

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской Академии наук

Центр «Петроскандика»
НИИ комплексных социальных исследований
Санкт-Петербургского университета

**Европа—Азия:
Проблемы этнокультурных
контактов**

К 300-летию Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург
2002

- Лялушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. № 152. 1968.
- Мачинский Д. А.* О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. СПб., 1982. С. 7—24.
- Мачинский Д. А.* О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и Европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 5—25.
- Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. М., 1977.
- Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья // История СССР. 1987, № 3.
- Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Петренко В. П.* Погребальный обряд Северной Руси VIII-X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994.
- Петрухин В. Я.* Скандинавия и Русь на путях мировой цивилизации // Путь из варяг в греки... Каталог ГИМ. М., 1996. С. 8—17.
- Платонова Н. И.* Погосты и волости Северо-Западных земель Великого Новгорода (к проблеме формирования административной структуры) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 173—187.
- Пушкина Т. А.* Гнездово — на пути из варяг в греки // Путь из варяг в греки... Каталог ГИМ. М., 1996. С. 20—27.
- Пушкина Т. А.* Скандинавские находки с территории Древней Руси (обзор и топография) // XIII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М.; Петрозаводск, 1997. С. 175—178.
- Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
- Седов В. В.* Русь и варяги // XIII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М.; Петрозаводск, 1996. С. 156—158.
- Хлезов А. А.* Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997.
- Шеяченко Ю. Ю.* На рубеже двух этнических субстратов Восточной Европы VIII—X вв. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 39—58.
- Шеяченко Ю. Ю.* Книжна-амазонка в парном погребении Черной могилы // Сб. МАЭ. 1999. Т. XLVII: Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы (памяти Т. В. Станюкович). С. 9—22.

Д. А. Мачинский, М. В. Панкратова

СЕВЕРНАЯ РУСЬ И САГИ О ДРЕВНИХ ВРЕМЕНАХ

Посвящается памяти выдающегося исследователя Северной Руси, археолога Василия Дмитриевича Белецкого

Истоки настоящего исследования уходят в 1987 г. В этом году была написана статья А. Д. Мачинской и Д. А. Мачинского, в которой Alaborg, 9 раз упомянутый в Halfdanar Saga Eysteinnssonar [Сага о Хальвдане Эйстейнссоне, далее — HsE], был отождествлен с разрушенным городищем у д. Городище на р. Сясь [*Мачинский, Мачинская*, 1988, с. 55, рис. 2]. В том же 1987 г., после частного разговора В. А. Назаренко, В. А. Булкина и Д. А.

Мачинского, начались раскопки остатков этого поселения и сопки близ городища [Булкин, Богуславский, 1988; Богуславский, Мачинская, 1993]. Затем тема отождествления Алаборга и городища на Сяси на фоне широкого сопоставления сообщений HsE с данными археологии разрабатывалась в совместных работах Т. Н. Джаксон и Д. А. Мачинского [1988; 1989а; 1989б]. Раскопки А. Д. Мачинской на сохранившемся участке древнего поселения у д. Городище, проведенные в 1987—1990 гг., окончательно установили, что оно прекратило свое существование не позже 930 г., поскольку здесь полностью отсутствует древнерусская кружальная керамика, появившаяся в соседней Ладоге в 920-е годы и занявшая место в ее керамическом комплексе только в 930-е годы. Суммарно комплекс древнейших одновременных памятников у д. Городище (включающий городище, два селища и относящиеся к ним сопкообразные насыпи, исследованные В. А. Булкиным и О. И. Богуславским) датируется в пределах VIII—первых десятилетий X в. [Булкин, Богуславский, 1988; Богуславский, Мачинская, 1993; Богуславский, 1994]. Результаты раскопок подтвердили правомерность сопоставления этого поселения с крепостью Alaborg в HsE и с безусловно идентичным последней пунктом Aluborg, дважды упомянутым в Gongu Hrolfs saga [Сага о Хрольве Пешеходе, далее — GHs], поскольку действие обеих саг о древних временах, как следует из хронологических привязок в их тексте, явно отнесено ко времени до окончательного заселения Исландии и до смерти Харальда Прекрасноволосого, т. е. до 930—933 гг.

Из всех скандинавских письменных источников, содержащих какие-либо сведения о древней Руси (Gardar, Garpariki, Russia и т. д.) название Alaborg/Aluborg встречается лишь в двух сагах о древних временах — в HsE и GHs. Существенно, что это название отсутствует в списке древнерусских городов, составленном, как считает Т. Н. Джаксон, в последней трети X—XI вв. и включенном в древнеисландское географическое сочинение [Джаксон, 1985; 1986; Глазырина, Джаксон, 1987: с. 125]; нет его в королевских сагах, достаточно подробно освещающих историю Руси конца X—XI вв. Это название не находит сколько-нибудь убедительного соответствия в названиях городов Руси, зафиксированных древнерусской письменной традицией, сложение коей охватывает вторую половину X—сердину XI в. (от крещения Ольги до смерти Ярослава). Все это вместе взятое заставляет предполагать, что Алаборг прекратил существование не позже середины X в., а достаточно информативные сообщения о нем в HsE и GHs отражают весьма древний пласт сведений о Северной Руси.

Необоснованное предположение, что Алаборг в Северной Руси — это лишь продукт литературного творчества, использовавшего название датского города Olborg (древний Алаборг), было отвергнуто одним из авторов этого предположения [Глазырина, 1984; Глазырина, Джаксон, 1986; Джаксон, Мачинский, 1989, с. 130]. Большинство исследователей признает реальность Алаборга и предлагает различные его локализации в пределах

Северной Руси [Kleiber, 1957, с. 222; Holmberg, 1976, с. 176; Davidson, 1976, с. 41; Schramm, 1982, с. 280—282; Лебедев, 1985, с. 187], наиболее полно аргументировано его отождествление с городищем у д. Городище на р. Сясь [Джаксон, Мачинский, 1989а; 1896].

Обе саги (особенно GHs) зачастую рассматриваются, в первую очередь, как литературные произведения XIV в., испытавшие влияние рыцарского романа и вобравшие в себя многие «бродячие» фольклорные сюжеты [Schroder, 1924; Dunninger, 1931—1932]. Признавая правомерность такого подхода, мы, тем не менее, хотели бы обратить внимание на выявление в обеих сагах архаичного пласта сведений, восходящих к эпохе викингов.

Имеется ряд общих черт, выделяющих исследуемые саги не только из числа саг о древних временах, но и из числа вообще всех саг любых разновидностей.

Только в HsE и GHs упоминается Alaborg/Aluborg, причем в обоих случаях в теснейшей географической и политической связи с Aldeigjuborgom, однозначно отождествляемым с Ладогой русских летописей. С точки зрения филолога, Alaborg и Aluborg – две формы одного топонима, причем форма Alaborg – первична [Schramm, 1982, с. 280—282].

Только в HsE и GHs главное деяние главных героев, составляющее стержень сюжета, разворачивается в северной части Gardariki и состоит в обретении ими прекрасной и деятельной Ингигерд, дочери конунга Альдейгьюборга.

В HsE и GHs упомянуты уникальные для всего корпуса саг топонимы, достаточно убедительно локализуемые на карте Северной Руси.

Так, только в этих сагах упомянут Nogarðar, в обоих случаях соотносенный с одним из скандинавских именовании Руси (уникальная для саг и исландских землеописаний форма Russaland в HsE, Rudzaland в одном манускрипте GHs) и перекликающийся с Nemogardas/Nevogardas, соотносенным с Внешней Россией у Константина Багрянородного в повествовании о ситуации, предшествовавшей 948—952 гг. [Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, 9], и с названием этноса «nukarda» (участвовавшим в походах на Византию не позже 930-х годов), зафиксированным у аль-Масуди. Сходная форма Noagordum встречена в «Саге о Боси...» [Глазырина, Джаксон, 1987, с. 175; ср. с топонимом Neogroda у балтийского побережья Сарматии на карте Циглера 1532 г.]. Вероятно, название, лежащее в основе этих сходных форм, первоначально (в середине IX—середине X в.) соответствовало поселению, известному с XII в. под именем «Городище», а с XIX в. под именем «Рюрикова городища»; позднее оно повлияло на возникновение имени собственно Новгорода, который с конца X в. становится центром христианизации Северной Руси и куда между 1010—1015 гг. перемещается княжеский двор [Носов, 1990]. Упоминания Новгорода и новгородцев в русском летописании и Хольмгарда в скандинавских источниках в связи с событиями ранее 940-х годов

относятся к Рюрикову городищу, а между 945 и 1010 гг. — то к Рюрикову городищу, то к собственно Новгороду, то к ним обоим. (Кроме тех случаев, когда Хольмгард, Хольмгардия, Хольмгардарики означают и южное побережье оз. Ладоги, включая и город Ладога, — см. об этом ниже.)

Упомянутая в GНs fiallgardr (горная цепь, горная ограда), отделяющая на востоке Holmgardariki от лежащего восточнее Ётунхейма, видимо, соответствует упоминаемым в HsE труднопроходимым fioll ok eudimork (горы и пустынная пограничная область), лежащим по контексту восточнее Приладожья (HsE; перевод eudimork, по Стеблин-Каменскому [1955, с. 231]). Эти топонимы, как будет показано ниже, обозначали Валдайскую возвышенность в широком смысле — главный водораздел по пути из Балтики в Поволжье, протянувшийся от истоков Ловати и Днепра до южного берега оз. Онега [Физ. география СССР, 1976, с. 193, карта] и отмеченный Константином Багрянородным (горы кривитеинов-кривичей), во вводной части ПВЛ («Оковский лес», откуда текут Двина, Днепр, Волга и где живут кривичи) и среднеазиатским ученым IX в. ал-Хорезми («гора Рус», откуда течет река Др. ус — Данапрос ? [см.: Новосельцев, 1965, с. 373]).

Приведенные примеры дают основание полагать, что HsE и GНs несут в себе элементы одного и того же пласта историко-географических сведений о Северной Руси, сформировавшегося в середине IX—середине X в. и тогда же отложившегося в эпической памяти. Это обязывает нас подойти с позиции «презумпции доверия» к другим уникальным свидетельствам этих «ладожских саг» и проверить их сопоставлением с данными иных письменных источников, а также археологии и топонимики.

Но одновременно ряд взаимосвязанных образов, присутствующих в обеих сагах, — прекрасная и деятельная дочь конунга Ингигерд, женитьба на которой дает право на обладание Альдейгьюборгом (HsE) и Хольмгардом-Ногардом (GНs) — убеждает в наличии в них пласта сведений, относящихся к периоду от 1019 г. до, примерно, 1070-х годов, когда Ладога, полученная в виде свадебного дара Ингигерд-Ириной, управлялась ее скандинавскими родичами (Рёгнвальд-ярл и его энергичная жена Ингибьёрг, сестра Олава Трюггвасона, их сыновья Ульв и Эйлив и, вероятно, их потомки [см.: Мачинский, Мачинская, 1988, с. 55, 56]).

Два отмеченных пласта сведений содержатся и в двух отдельных эпизодах Sturlaugs saga starfsama [далее Sss], недавно переведенной Г. В. Глазыриной [Глазырина, 1996]. В этих эпизодах два неглавных (в отличие от HsE и GНs) героя сватаются к двум дочерям двух конунгов (конунга Гардарики и конунга Гардов и Альдейгьюборга), причем обеих дочерей зовут Ингибьёрг. Особенно информативен сюжет сватовства Франмара к Ингибьёрг, которая является дочерью конунга Альдейгьюборга по имени Ингвар. Г. В. Глазырина совершенно права, сопоставляя этого конунга с Игорем-Ингорем русских и византийских источников [Глазырина, 1996], тем более, что имеются основания говорить о существовании северного поме-

на Игоря с центром в Ладогe [Мачинский, 1986; Мачинская, Мачинский, 1995]. Нужно отметить и редкий для саг о древних временах архаизм географической лексики в этом эпизоде: Русь названа первичным термином Gardar, а не, как обычно, производным Gardariki, Ладога в одном случае названа не Aldeigjuborg, а более древним именем Aldeigia. Однако имя героини — Ингибьёрг — напоминает нам об XI в., тем более, что и качества ее — мудрость и прозорливость — вполне соответствуют качествам исторической Ингибьёрг, хозяйки Ладоги. Любопытно, что одна уникальная и потому выглядящая достоверной деталь образа Ингибьёрг саги — то, что она лекарь (laeknir) и содержит больницу — находит аналогию в одном конкретном и достоверном эпизоде из жизни исторической Ингигерд-Ирины, ближайшей сподвижницей и старшей подругой которой была историческая Ингибьёрг. Об эпизоде исцеления королем Олавом Харальдссоном в Гардарики мальчика с нарывом в горле рассказывается, что первоначально мать мальчика «обращается к княгине Ингигерд и просит у нее доброго совета» [Olafs saga hins helga; Джаксон, 1994, с. 44], и «княгиня говорит, что она не знает никакого лечения, чтобы помогло» [Heimskringla; Джаксон, 1994, с. 81]. Затем Ингигерд говорит: «Пойди... к конунгу Олаву. И проси у него полезного совета. Но люди не зовут его лекарем» [Джаксон, 1994, с. 44]; по варианту Heimskringla: «Пойди... к конунгу Олаву — он здесь лучший лекарь (laeknir)» [Джаксон, 1994, с. 81]. Из этого эпизода явствует, что первоначально мать считала естественным обратиться за помощью к Ингигерд как лекарю (laeknir). Приведенные свидетельства саг об Ингибьёрг и Ингигерд являются редкими (если не единственными) свидетельствами о лекарской деятельности родовитых женщин X—начала XII вв. на территории Руси и, вероятно, отражают реальную ситуацию, когда две христианки скандинавского происхождения занимались врачеванием как формой христианского милосердия.

Приведенные сопоставления позволяют нам включить эпизоды в Sss, связанные с Ингибьёрг, в круг сюжетов «ладожской эпической традиции», сохраненной в сагах о древних временах.

Изданный Т. В. Глазыриной полный комментированный перевод HsE и Sss и аналогичная работа Т. Н. Джаксон в отношении «восточноевропейских мотивов» в королевских сагах создают совершенно новые возможности в исследовании древнейшего периода истории Руси. Используя также имеющийся у нас еще не изданный перевод GHs¹, попытаемся выявить в тексте GsE, GHs и Sss пласт историко-географической информации, относящейся к периоду от середины IX в. до третьей четверти XI в. включительно [первый краткий вариант этого исследования см.: Мачинский, Панкратова, 1996; Панкратова, 1996].

¹ Перевод выполнен М. В. Панкратовой и Ю. Полуэктовым при участии И. Б. Губанова и В. О. Казанского под редакцией Ю. К. Кузьменко.

Охарактеризуем основные черты «ладожских сюжетов» в привлекаемых сагах:

1. Главное деяние — женитьба героя-пришельца из Скандинавии на Ингигерд/Ингибьёрг, дочери конунга Альдейгьюборга/Гардарики, что обеспечивает пришельцу право стать законным конунгом в Gardar/Gardariki (или в какой-то ее части).

2. Максимально «положительны» именно «местные» герои, изначально правящие в Альдейгьюборге/Алаборге, даже если они погибают в результате действий «положительных» героев-пришельцев (Хергейр — от действий Хальвдана в HsE, Ингвар — от Франмара в Sss). Зачастую «местный» герой превосходит, по сумме «положительных» качеств и поступков, главного героя-пришельца (Скули — Хальвдана в HsE, Хреггвид и его призрак — Хрольва в GHs).

3. Авторы саг не знают предков «местных» героев (Хергейр, Скули, Ингвар) или знают их только в пределах местного рода и одного поколения (Хреггвид), в отличие от героев-пришельцев, чьи скандинавские предки названы обязательно. В HsE указано, что Скули — отец Хреггвида (героя GHs), на дочери коего Ингигерд женился Хрольв Пешеход (главный герой GHs). Сохранившийся вариант саги о Хрольве Пешеходе (GHs) начинается с рассказа о Хреггвиде, правящем в Гардарики и, как выясняется в ходе повествования, имеющем резиденцию в Альдейгьюборге, но о его отце, вопреки обыкновению, не говорится ничего. Не исключено, что эта родословная была известна утраченным вариантам саги, о существовании которых говорится в послесловии GHs. В связи с «ладожской темой» может создаваться (и изменяться?) родословная героя-пришельца: так Хрольв в GHs называется сыном Стурлауга, главного героя Sss, хотя в других авторитетных вариантах сказаний о Хрольве Пешеходе его отцом назван Рёгнвальд-ярл из Норвегии. Единственное, что особо объединяет Стурлауга и Хрольва — это завоевание ими Альдейгьюборга, где живет Ингигерд/Ингибьёрг, что, вероятно, и подтолкнуло авторов GHs к созданию фиктивной родословной Хрольва.

Создается впечатление, что во всем вышеизложенном обнаруживаются следы особой «ладожской» эпической традиции, родословные героев которой были неизвестны или плохо известны традиции собственно скандинавской.

Учитывая приведенную выше генеалогическую линию Скули (HsE) — Хреггвид (GHs) — Ингигерд (GHs), ставшая женой Хрольва (GHs), а также то, что хронологические привязки (частично, вероятно, фиктивные) в тексте саг относят действие HsE ко времени Харальда Прекрасноволосого и ранее, а действие GHs только ко времени Харальда Прекрасноволосого, начнем с рассмотрения «политической» и географической ситуации сначала в HsE, а затем в GHs. Подробный анализ ситуации, обрисованной в HsE, дан в статье Джаксона и Мачинского [1989а], выводы которой, лишь в отдельных случаях развитые и уточненные, и излагаются ниже.

Действие в HsE начинается в Норвегии, однако это лишь предисловие, а по-настоящему сюжет закручивается лишь после захвата пришельцами Альдейгьюборга. Альдейгьюборг (упомянут 8 раз) — центр всех дальнейших действий, и по отношению к нему прямо или косвенно определяется географическое и политическое положение других крепостей и земель.

Алаборг (упомянут 9 раз) занимает по отношению к Альдейгьюборгу и географически и социально-политически особое и сложное положение. Если двигаться к нему на кораблях, то он расположен к северу от Альдейгьюборга (HsE, XI), если же по суше — то к востоку (HsE, IV). Поскольку единственное нападение на Алаборг произведено после короткого похода по суше (что необычно для морских викингов), ясно, что он труднодоступен по водному пути, и что этот путь длиннее сухопутного.

У Алаборга отмечено единственное захоронение героя — как все думают, самого Скули ярла, а в действительности — заменившего его в битве Коля (HsE, V).

Правящий в Алаборге ярл обязан конунгу Альдейгьюборга военной помощью (Скули, HsE, IV) и данью (Ульвкелль, HsE, VI); Скули, кроме того, воспитывает Ингигерд, дочь конунга, что также говорит о более высоком общественном положении конунга Альдейгьюборга. Ярл Алаборга могуществен и, в случае гибели конунга, может претендовать на власть во всей Гардарике (HsE, XI). В конечном счете этого благородным путем и достигает Скули ярл. Небезынтересно, что, получив во владение Гардарики, Скули вместе с королевой Ингигерд отправляется в конце саги в Алаборг, а не в Альдейгьюборг, что также подчеркивает значение первого (HsE, XXIV).

Всем выявленным выше географическим, хронологическим и социально-экономическим параметрам Алаборга великолепно соответствует древний безымянный городок VIII—начала X в. на реке Сясь у д. Городище, который расположен в 45 км по прямой на юго-восток от Ладоги и отделен от нее болотистыми лесами. *Сухопутный путь* к нему от Ладоги (судя по расположению современных дорог) должен был вести сначала на восток, а затем по восточному берегу Сяси на юго-восток. *Водный путь* к городку пролегал сначала на север по Волхову, затем на северо-восток по озеру, далее на юго-восток по Сяси и составлял свыше 80 км. Для морских кораблей со стороны озера городок был труднодоступен, так как ниже по течению Сяси имелись многочисленные пороги, около крупнейшего из которых, Рождественского, он и расположен. Около городка на Сяси находится крупнейшее после ладожского скопление сопкообразных погребальных насыпей, среди которых одна выделяется своими размерами.

Тесно связан с обеими крепостями мыс Krakunes («Вороний мыс»), около коего происходит решающая битва флотов Альдейгьюборга и Алаборга. Такой мыс и ныне известен как мыс «Воронок» или «Воронов» и расположен в 19 км от устья Волхова на северной оконечности острова (временами полуострова) Птинов, ограничивающего с запада Волховскую

губу и представляющего собой удобнейшую точку для контроля торговых путей и для морских засад. На Птинове и рядом с ним сохранилась архаичная топонимика — мыс Княжой, островок Соболец напротив мыса Воронок. Как явствует из логики военных действий, вероятно, именно Птинов (и Соболец) под именем «островлец» упоминается в рассказе летописи о нападении еми на Приладожье в 1228 г. [Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, 1950, с. 65. Далее — НПЛ] и под именем «остров» в рассказе «Хроники Эрика» о нападении шведов на Приладожье в 1300 г. [Рыдзевская, 1978, с. 114, 115, 120].

«Воронья» топонимика издревле характерна для Волховской губы: чуть северо-восточнее устьев Волхова и Сяси в губу впадает река Ворона (Воронег), к которой отступили шведы после их неудачного нападения на Ладогу в 1164 г. [НПЛ, с. 31, 218].

Остров Птинов с мысом Воронов, соответствующим Кракунесу, и лежащий рядом островок Соболец могут быть сопоставлены с сообщением Sss о том, что Франмар, отвергнутый Ингибьёрг, отплывает «на те острова, что лежат недалеко от материка», где он переодевается купцом и снова идет в Альдейгьюборг.

Все эти свидетельства о мысе и островах перекликаются с сообщением «Саги о фарёрцах», относящимся к событиям второй половины X в.: викинги «плывут прочь из Свитьод, и на восток в Хольмгард, и грабят там на островах и мысах» [Джаксон, 1993, с. 230]. «Острова и мысы» Хольмгарда, которые легко достигаются морскими кораблями — это, несомненно, побережье оз. Ладога. Присовокупим, что страна со столицей в Альдейгьюборге названа в Ghs «Holmgardariki», а в «Истории Норвегии», что Олав Харальдссон, занимаясь в юности пиратством «в том городе, который мы называем Хольмгардией... обычно зимовал вместе со своим многочисленным флотом», говорит, несомненно, о зимовках в Ладоге, так как тащить дракары на зимовку через пороги в Новгород было бессмысленно по многим причинам [Джаксон, 1994, с. 122].

Другой упоминаемый в HsE мыс — Klyfandanes («раскалывающий мыс»), по сумме данных, отождествляется с мысом Резным (Терешиннеми) на западном побережье Ладоги. Именно отсюда герой Хальвдан отправляется «на восток в Кирьялаботнар», куда ведут три пути — один водный, длиной в 5 недель пути (через Ладогу, Свирь и Онего?) и два сухопутных. На наиболее длинном и лежащем «восточнее» сухопутном пути от Клюфанданеса в Кирьялаботнар (вокруг озер Ладога и Онего?) и лежат упоминавшиеся выше труднопроходимые «горы и пустынная пограничная область». Хальвдан избирает сухопутный путь (вдоль северного побережья Ладоги?). Локализация топонима Кирьялаботнар представляет известные трудности. По тексту саги, Кирьялаботнар (т. е. — окончания или вершины карельских заливов) расположен за большой водной преградой к востоку от Клюфанданес и вообще представляет крайне во-

сточную, т. е. самую удаленную точку при странствованиях по Аустрвегу. Кроме того, он лежит на пути между Альдейгьюборгом и Алаборгом в Приладожье и Бьярмаландом в Беломорье. По сумме данных, если исходить из «презумпции доверия» к развернутой в саге географической картине, Кирьялаботнар локализуется в районе глубоких северных заливов оз. Онего [Джаксон, Мачинский, 1989а, с. 137—144].

Этот топоним встречается во всем корпусе древнескандинавских источников еще один раз. В «Саге о Скъьльдунгах» Кирьялаботнар помещен у западной границы Гардарики, где погибает (ок. 700—730 гг.?) во время похода знаменитый конунг Ивар Широкие Объятья, т. е. соответствует восточной части Финского залива. Но в HsE подобная его локализация невозможна, а предложенная нами (северные заливы Онего) — наиболее вероятна, соответствует реальности X—XI вв. и находит археологическое подтверждение [Мачинский, 1988, с. 103; Джаксон, Мачинский, 1989а, с. 143—144].

Как давно отмечено [Рыдзевская, 1978], в HsE содержатся уникальные свидетельства о прямых и опосредованных через Кирьялаботнар связях Северной Руси (Gardariki, Russaland, Nogardar) с Бьярмаландом. Эти сведения перекликаются с сообщением «Саги об Эгиле» о появлении в Финнмарке (т. е. на севере Скандинавии и на Кольском полуострове) в начале X в. явно связанных с Русью кюльфингов-колбягов, а также с вытекающим из контекста «Саги об Эймунде Хрингссоне» каком-то участии бьярмов в военных действиях на Руси в XI в., с рассказом ПВЛ о походах ладожан на север не позже 1070-х годов и, наконец, с упоминанием в Иоакимовской летописи [Татищев, 1962, т. I, с. 108] о войне восточнославянского князя Буриvoja в Бьярмии.

Западные связи Приладожья, кроме неоднократных упоминаний о морском пути в Норег (Норвегию), выявляются в HsE в связи с упоминанием о том, что «купеческий корабль, плывущий с востока возле (мимо) Балагардссыды, попал в сильную бурю» (HsE, VII) и разбился, после чего, как явствует из контекста, два пловших на нем человека (Скули ярл и Ингигерд инкогнито) явились в Альдейгьюборг, выдавая себя за купцов «из Руссии». Исходя из описаний ситуации и учитывая, что в сагах оз. Ладога воспринимается как продолжение Балтийского моря, Balagardssida (побережье Балагард) должно бы локализоваться где-то в юго-западном Приладожье.

Два других известных нам упоминания Балагардссыды связаны с юношескими подвигами конунга Олава Харальдссона, причем в одном случае (Heimskringla) это побережье локализуется, с опорой на вису Сигвата, в юго-западной Финляндии [Круг Земной, с. 170], а в другом [Olafs saga hinshelga, 9] она помещена в шведском Сьоланде, т. е. в Руслегене (Roslagen); при этом в рукописи стоит Basagauzsida, восстановленное, видимо, по аналогии с Heimskringla как Balagardssida [Джаксон, 1994, с. 40, 42, 251, 252]. Последняя связка (Balagardssida—Sjoland—Roslagen) особенно ценна, так как перекликается со связкой в HsE (Balagardssida—Russia);

известно, что этнонимы и хоронимы с корнем Ros/Rus связаны этимологически с названием Roslagen.

Полагаем, что авторы HsE допустили ошибку, поместив Балагардсиду слишком близко к Альдейгьюборгу, хотя и сохранили воспоминание, что она находится на пути с востока на запад от последнего, а также о связи ее с неким хоронимом с корнем «Rus».

В самом конце основного текста HsE появляются, в явной связке, два топонима: Nogardar и Russaland. Однако на их локализации остановимся после анализа аналогичной связки в одной из рукописей GHs, использованных при издании саги. «Сага о Хрольве Пешеходе» (GHs) — единственная из саг, где действие сразу начинается с подробного описания подвигов и героических качеств конунга Гардарики и Альдейгьюборга Хреггвида и достоинств его дочери Ингигерд. Это поистине «ладожская сага». Она содержит целый ряд ладожских топографических подробностей. Это единственная сага, в которой упоминаются большое «ровное место» неподалеку от Альдейгьюборга, где происходит битва подошедшего с юга (от Дюны — Западной Двины) Хрольва с захватившим Альдейгьюборг шведским конунгом Эйреком, кончившаяся победой Хрольва и освобождением города; напомним, что именно к югу от Ладоги находится урочище «Победище» — «широкое ровное поле, единственное в окрестностях Старой Ладоги — наиболее удобное место для битвы», как пишет специалист по военному делу средневековья [Кирпичников, Сарабьянов, 1996, с. 49]. При описании битвы упоминается река, видимо, большая и глубокая, поскольку в ней сразу тонет упавший в нее огромный богатырь (Волхов?) уродом из соседнего Алуборга, а также гавань, куда корабли входят на веслах (что может соответствовать служившей гаванью р. Ладожке, добраться до которой вверх по Волхову и войти в нее возможно было преимущественно на веслах) [GHs, 30]. Около Альдейгьюборга, по саге, располагаются курганы героев, причем один из них, обладающий магической силой (Хреггвида, исконного конунга Гардарики и Альдейгьюборга), расположен, по контексту, к северу от города (как огромнейшая из ладожских «Полая сопка», так называемая «Олегова могила»), а другой (змееобразного антигероя Эгира, убийцы Хреггвида) — ближе к морю (т. е. к озеру, в направлении к которому расположена д. Велеша и куда тянутся цепочки сопки по правому берегу Волхова) [GHs, 3, 15, 16, 32, 34]. Все скандинавские и древнерусские источники вместе взятые не сообщают столько сведений о топографии окрестностей Ладоги эпохи викингов, сколько GHs, которая делает это между прочим, в процессе изложения сюжета. Создается впечатление, что на некоем этапе своего формирования сага исполнялась теми и для тех, кто хорошо знал окрестности Ладоги.

Если HsE сохранила уникальные свидетельства о связи Приладожья с северным Бьярмаландом, то GHs сохранила столь же редкие свидетельства о южных связях с областями по реке Дуна (Западная Двина).

В самом начале GHs сообщает, что конунг Хреггвид (по HsE внук ярла Скули из Алаборга) в юности «подчинил себе долину реки Дюна, которая протекает по Гардарики» [GHs, 1], где он добыл себе чудесного коня и чудесный меч, которые потом попадают в руки Хрольва и играют решающую роль в битвах. Это сообщение, обозначающее «южные пределы» владений конунга Альдейгьюборга, поразительно совпадают с сообщениями ПВЛ, когда севший сначала в Ладоге, а потом в Новгороде (т. е. на «Рюриковом городище») Рюрик имеет южным пределом своих владений Полоцк на Западной Двине, где живут кривичи; Смоленск на Днепре уже оказывается за пределами его владений.

Насколько хорошо GHs осведомлена о реальном местоположении Дюны показывает рассказ о походе Хрольва из Ютландии к Альдейгьюборгу, когда он с огромным войском (в составе которого и подкрепление из Виндланда, т. е. поморские славяне) плывет сначала по морю, а потом, войдя в реку Дюну, грабит население ее берегов, подчиняет его, пополняет им свое войско и лишь затем движется к Альдейгьюборгу [GHs, 28, 30]. Существенно, что в рассказе о первом прибытии Хрольва в Альдейгьюборг из Швеции «ничего не известно о том, каким путем они шли» [GHs, 13].

Все это совпадает с распространенным представлением о том, что двинский путь в Восточную Европу был освоен скандинавами раньше, чем невский. Еще больше это сообщение о движении скандинавов через Западную Двину к Ладоге перекликается с фактом поразительного совпадения женского убора населения Днепро-Двинского междуречья (кривичи) и Ладоги во второй половине VIII—IX вв., причем «кривичские» вещи появляются и существуют в Ладоге совместно со «скандинавскими» [Давидан, Мачинский, Мачинская, 1985; Мачинский, Кузьмин, Мачинская, 1986; Мачинская, 1990].

Рассмотрение других географических пассажей GHs начнем со сведений об Алуборге.

Aluborg упомянут в GHs дважды, как и Aldeigjuborg, вокруг которого и раскручивается сюжет. Однако в отличие от HsE, где Aluborg, наряду с Альдейгьюборгом, является местом пребывания и действий главных героев в Gardariki, Aluborg GHs не играет никакой роли в развитии основного сюжета. Его упоминание может быть объяснено тем, что Алуборг был некогда географической реальностью Приладожья, рудиментарно сохраненной в GHs. Судя по контексту, это известный эпической традиции пункт, несколько восточнее Альдейгьюборга и Хольмгардарики, и его упоминание некогда позволяло информированному слушателю саги лучше ориентироваться в географии событий.

Ниже предлагается приближенный к тексту подлинника перевод тех мест GHs, где упомянуты Алуборг и соотнесенные с ним местности, персонажи и события:

1. Один из главных «антигероев» Грим Эгир говорит своему конунгу Эйреку после захвата последним Альдейгьюборга: «Я хочу получить какие-нибудь земли в управление и звание ярла» [GHs, 3].

2. «Грим Эгир управлял Эрмландом, одним из мест пребывания конунгов в Gardariki. И все, кто ему служил, были недовольны своей участью. Они с Тордом Лысиной Острова Хлес имели постоянно большие сражения с теми <кто были> сверху из населенной области Ётунхейма из Алуборга» [GHs, 3]. Позднее Эгир присылает на помощь Эйреку 12 колдунов из Ормаланда (Ормаланд = Эрмланд) [GHs, 28].

3. «Хрольв повел войско против конунга Эйрека. Они встретились недалеко от Альдейгьюборга. У конунга было большое и сильное войско. С ним были многие знатные люди. Одним из них был ярл Ими, высокий, смелый, воинственный человек родом из Gardariki. Вместе с ним был его сводный брат Рендолль, которого по праву можно было назвать троллем из-за его роста и силы. Родичи его матери были из Алуборга, который расположен в Ётунхейме. Там он и вырос. Вместо оружия у него была дубина длиной в 6 локтей с толстым концом» [GHs, 30].

4. «Хрольв был выбран конунгом над всей Гардарики. Третью Gardariki называется Каенугардаг, она лежит у той цепи гор (букв. «горной ограды»), которая разделяет Ётунхейм и Holmgardariki <...>. В Holmgardaborg есть главное <место> сидения конунга Гардов, которые теперь всеми называются Nogardar и Rudzaland. Хрольв правил теперь своим государством, пользуясь большим уважением» [GHs, 38; перевод по рукописи AM 589f, 4, дающей наиболее полно вариант этого отрывка].

Судя по тексту 2, Алуборг тесно связан с Ётунхеймом (страной великанов), который в скандинавской мифопоэтической традиции помещался к востоку или к северу от областей, населенных скандинавскими германцами. Однако, когда речь идет о поездке в страны, расположенные за Балтикой, Ётунхейм локализуется определенно на востоке, как это имеет место в рассказах о поездках Тора в Ётунхейм и в расположенный на востоке Ётунхейма высоко сакрализованный центр Utgardr (в Прикамье?) [Мачинский, 1997, с. 57—63; см.: Младшая Эдда: 41—43, 64—65]. Так же, т. е. к востоку от Гардарики, должен локализоваться Ётунхейм по данным GHs, поскольку Гардарики в северном эпосе — это часть скандинавской ойкумены, и Хрольв прибывает сюда из Скандинавии, т. е. с запада. Положение Ётунхейма «сверху» по отношению к приморской части Гардарики, захваченной Эйриком и Эгиром, означает его положение в глубине материка, вверх по течению рек от побережья моря, в данном случае от оз. Ладога, которое представлялось частью моря. Рядом с Гардарики (точнее, с входящим в ее состав Ормландом/Эрмландом) находится «населенная часть Ётунхейма» с центром в Алуборге, т. е. Алуборг расположен около границы Гардарики. Создается впечатление, что существует некая «не-населенная» часть Ётунхейма, расположенная еще дальше (восточнее?).

Эти предположительные локализации подкрепляются текстами 3 и 4. По тексту 3, Алаборг расположен в Ётунхейме, однако определенным образом связан с Альдейгьюборгом в Гардарике: на помощь конунгу Альдейгьюборга Эйреку приходит знатный богатырь Рендолль родом из Алуборга вместе со своим братом ярлом Ими родом из Гардарики.

Текст 4 уточняет положение всего Ётунхейма (и, следовательно, Алаборга) относительно Хольмгардарики, т. е. северо-западной Руси (и, следовательно, относительно Альдейгьюборга): Ётунхейм отделен от последней «цепью гор», «горной оградой» (fiallgardr), у которой расположена другая часть Гардарики — Каенугардар (часть Руси, непосредственно подчиненная Киеву). Последняя «треть» Гардарики не названа, но, по аналогии с «Прядью об Эймунде Хрингссоне», это, несомненно, Полоцкая земля по Западной Двине (которая, по GHs, тоже подчинилась Хрольву). Такое «трехчастное деление» Руси отражает реальность последней трети X—середины XI в. Однако в GHs акцент сделан на двухчастном делении, что более соответствует реальности второй половины IX—начала X в. Архаизм географической традиции GHs выражен и в уникальном соседстве Хольмгардарики и Ётунхейма, который рассматривается как вполне реальная «населенная область».

Поскольку при двух- или трехчастном делении Руси Смоленская земля в верховьях Днепра тяготела к Киеву, постольку Кэнугардар, если смотреть с севера, действительно лежит около Валдайской возвышенности — тех единственных в Древней Руси «гор», которые под разными именами обозначают разные источники (см. выше). Валдайская возвышенность в широком смысле, включающая в себя и собственно Валдайскую возвышенность, и Тихвинскую гряду, и Вепсовскую возвышенность, простирается от истоков Ловати и Днепра до озера Онега. Эта холмистая гряда, усыпанная валунами и отделенная от Приильменской и Приладожской низменностей Валдайско-Онежским уступом — остаток последнего оледенения. Этот водораздел между бассейнами Балтики и Каспия и был для освоивших к началу IX в. земли по Волхову и Сяси скандинавов (и составивших костяк местной «руси», и грабителей-викингов) пределом их доминирования вплоть до времени около 870 г. Далее к востоку начинался враждебный Ётунхейм, западным рубежом которого был fiallgardr — горная ограда, Валдайско-Онежский уступ, а восточным, видимо, fiallgardr mikill — великая горная ограда, южный Урал [Heimskringla. Ynglinga saga, I, V].

Выше fiallgardr GHs сопоставлялся с fioll ok eydumok (горы и пустынная пограничная местность) HsE. Полагаем, что без натяжек эту восточную границу ойкумены скандинавов и западную границу обитания великанов-ётунов можно сопоставить с лежащим на востоке «рубежом у каменных оград», где великан Хрунгнир предлагает Тору биться с ним («ad landamaeri a grjottunagordum») и где после битвы из обломков точила Хрун-

гнира образуются каменные горы (Младшая Эдда) — покрытая валунами Валдайская возвышенность.

Итак, «fiallengardr», разделяющая входящую в скандинавскую ойкумену Гардарики и чуждый Ётунхейм (GHs) соответствует «grjottunagardr» (каменная ограда), разграничивающей область, подвластную скандинавским богам, и Ётунхейм (Младшая Эдда), а также труднопроходимым fioll ok eydimork, лежащим на самом востоке «Восточных путей» (HsE).

Ётунхейм и Алуборг, по данным GHs, располагаются восточнее Хольмгардарики и Альдейгьюборга, что соответствует положению Алаборга относительно Гардарики и Альдейгьюборга по HsE. Расположение Ётунхейма «сверху» от прибрежных районов Приладожья подтверждается тем, что обращенная к оз. Ладога и к Хольмгардарики западная граница Ётунхейма начинается около возвышенности fiallengardr.

Если в HsE Алаборг — постоянное место пребывания того или другого ярла, то Алуборг GHs сохранил лишь некую неопределенную соотнесенность с «темой ярла». Так, Грим Эгир, получающий звание ярла, управляет областью Ermland/Ogmland («змеиная земля»), соседствующей с Алуборгом, начиная от которого он ведет боевые действия в Ётунхейме. Ярл Ими является братом героя Рендольва, происходящего и приходящего из Алуборга.

«Политическое положение» Алуборга в GHs лишь отчасти напоминает соотношение Алаборг — Альдейгьюборг в HsE. Иными словами, если доверять относительной хронологии событийной основы двух саг, то получается, что к моменту реальных событий, составляющих подоснову сюжета GHs, конунги Альдейгьюборга утратили прямой контроль над Алаборгом/Алуборгом, превратившимся в пограничную крепость, связанную особыми отношениями с конунгом Альдейгьюборга, но входящую в состав некой соседней «населенной области Ётунхейма».

Вопрос о доверии к хронологии первичных событий, лежащих в подоснове сюжета двух саг, тесно связан с вопросом о тождестве первичного Хрольва Пешехода, прообраза Хрольва GHs, и Rollo — основателя династии нормандских герцогов. Heimskringla считает их безусловно одним лицом [Круг Земной, с. 54, 55].

Мы никоим образом не можем согласиться с утверждением, что «кроме сходства двух имен, не имеется исторических точек соприкосновения между этими образами» [Naumann, 1993]. Как указывается в заключении GHs, к моменту записи саги (начало XIV в.) существовали другие саги, расхившиеся с GHs в именах героев и в описании событий, а также некие «древние песни и саги мудрецов», на которые опирались составители данной саги [GHs, 38]. Действительно, мы знаем трех различных отцов Хрольва Пешехода: по версии GHs, по версии Heimskringla-Landnamabok и по версии Laxdoela saga. Наиболее авторитетна версия Heimskringla-Landnamabok, где отцом Хрольва назван Рёгивальд, ярл из Мёре в Норве-

гии и рассказана биография Хрольва и его братьев. И именно с этой версией GHs имеет ряд существенных, хотя отнюдь не бросающихся в глаза, совпадений.

Так, в Heimskringla рассказывается, что Хрольв в молодые годы «много воевал на восточных путях» (в Аустрвегах), а позднее направился «на Южные острова» (т. е. на Гебридские острова у шотландского побережья Британии). В GHs описаны два похода Хрольва на восток в Гардарики, а в конце саги рассказывается о его походе в Англию и сражениях с шотландскими и английскими конунгами. О пребывании Rollo в Англии до завоевания Нормандии косвенно известно и из других источников и в связи с этим упоминаются его дочери [Douglas, 1942]. Авторы GHs признают, что им ничего не известно о старости и смерти Хрольва, но какой-то намек на другие события, не связанные с Гардарики и Ингигерд, содержится в сообщении о том, что его дочери, возможно, не были дочерьми Ингигерд [GHs, 38].

В Heimskringla рассказывается, что «однажды летом» Хрольв «пришел из викингского похода с востока в Вик» (т. е. вернулся в Норвегию). По остроумной догадке Т. Н. Джаксон, из этого следует, что он зимовал где-то на «Восточных путях» [Джаксон, 1993, с. 80, 83, 246, 247]. В GHs же при описании обоих походов Хрольва в Гардарики дважды без всякой сюжетной необходимости сообщается, что он прибыл туда «в начале зимы», т. е. — в расчете на зимовку.

Относительно соотношения терминов Gardariki и Austrvegr/Austrvegir (восточный путь/пути) в Heimskringla мы, развивая основополагающие наблюдения Т. Н. Джаксон в этой области [Джаксон, 1993, с. 246, 247], заметим следующее.

Термин Gardariki употребляется один раз в самом начале «Саги об Инглигах», в рассказе о переселении Одина и асов из Тюркланда в Скандинавию, а затем — в «Саге об Олаве Трюггвасоне» и в последующих сагах, т. е. начиная с рассказа о событиях последней четверти X в. и позднее. Таким образом, в рассказе о всех конунгах Швеции, ходивших походами на восток с незапамятных времен (не позднее, чем с VI в. н. э.) до третьей четверти X в. для обозначения области Северной Руси, которая как самостоятельный этносоциум Rhos/Rus уже существовала в 830-х годах, в «Круге Земном» употреблялся другой термин. Этим термином является чаще всего употребляемое обозначение земель к востоку от Балтики — Austrvegr/Austrvegir, географическое понятие, которое для указанного времени охватывало и восточную Прибалтику, и Северную Русь. Так что сообщение Heimskringla о походах Хрольва в Austrvegir около рубежа IX—X вв. вполне сопоставимо с рассказом GHs о его походах в Гардарики.

Версия Heimskringla и Landnamabok о норвежском происхождении Хрольва-Rollo, как известно, вступает в противоречие с версией о его датском происхождении, которая содержится в панегирике норманской дина-

сти в Нормандии, составленном Дудо из St. Quentin между 1015 и 1026 гг. [Douglas, 1942, с. 418—420]. Немаловажно, что в GHs обе версии «примирены»: Хрольв родился в Норвегии, но свои походы на восток и в Англию он предпринимает из Дании. Не исключено, что и топоним Alaborg/Aluborg, имеющий единственный аналог в известном с XII в. датском городе Alaborg, говорит о каких-то древних и особых связях Приладожья с Данией. Все это, а также содержащаяся в GHs непротиворечивая информация о географии древнейшей Руси IX—середины X в. склоняет нас к тому, что в основе GHs лежат действительные события, связанные с походами в Восточную Прибалтику реального исторического лица — Хрольва-Rollo.

Принятие этой гипотезы позволяет ставить вопрос о том, когда Хрольв-Rollo мог совершить свои походы в Austvegir и Gardariki? Это могло иметь место не позднее 911 г., когда Rollo прочно закрепился в Normandy. Наиболее вероятно, что он появился там между 905 и 911 гг. Однако нельзя игнорировать поздние интерполяции в одной хронике XI в., относящие его прибытие в Нормандию к 896—900 гг. Умер Rollo между 925 и 933 гг. [Dauglas, 1942, с. 424—436]. Учитывая все это, следует относить его походы в Восточную Прибалтику к промежутку между 870 и 905 гг., а вероятнее к 880—900 гг.

В связи с этим обратим внимание на особый образ Ётунхейма в GHs: повествуя о сражениях в Ётунхейме, автор саги ни разу, при всей своей склонности к чудесному, не говорит, что война идет с великанами-ётунами. Ближайшая к Гардарики Ётунхейм предстает как «населенная область», где находится Aluborg, крепость с вполне скандинавским названием. Единственный реальный представитель Ётунхейма в саге — это огромного роста и силы Рендольв, имеющий, однако, вполне человеческое происхождение. Правда, оружием Рендольва является подробно описанная огромная, особой формы «kylfa» — дубина. Дубина в скандинавской мифопоэтической традиции, по преимуществу, оружие великанов-ётунов.

Еще в 1988 г. была подробно обоснована [Мачинский, 1988, с. 90—103] гипотеза о локализации в Юго-Восточном Приладожье колбягов «Русской Правды» (они же «kylfingar» скандинавских и «kulpingoi» византийских источников) и об их соотнесенности с Приладожской курганной культурой (далее ПКК). Древнейшие могильники ПКК возникают в нижнем течении Паши и Ояти в 860—890 гг., а на Сяси у с. Городище появляются около рубежа IX—X вв. [Богуславский, 1997]. Древнейшие сведения о колбягах содержатся в «Саге об Эгиле» (Egils saga Skallagrímssonar) и приурочены к годам, непосредственно следующим за битвой при Хавсфьорде, т. е. к рубежу IX—X вв. Полагаем, что kylfa Рендольва имеет прямое отношение к предыстории возникновения социоэтнонима kylfingar («дубинщики») и хоронима Kylfingaland. Это — несколько ироничное обозначение «чистыми» скандинавами тех скандинавских же и «русских» колонистов, которые, смешиваясь с финнами, заселяли с последней трети IX в. лежа-

шую на границе с Ётунхеймом область Приладожья между реками Сясь и Свирь, занимая обособленное положение по отношению к складывающейся государственности Руси. В HsE и GHs кюльфинги-колбяги еще прямо не упоминаются; видимо, серьезной силой они стали лишь с X в. Только Рендольв с его «*kylfa*» может рассматриваться как обобщенный образ первых кюльфингов, а его связь с Алуборгом может объяснить, какой новый этносоциум способствовал отторжению Алуборга от Гардарики.

Отметим, что Юго-Восточное Приладожье было колонизировано сначала в нижнем течении Паши и Ояти, а затем и полностью заселено «скандинаво-русским» населением в те же годы, что была заселена Исландия (860—930-е годы), и существовало как обособленная область (по археологическим данным) до 1260-х годов, так же как и относительно свободная Исландия (до 1262 г.) [Богуславский, 1997; Бельский, 1997]. Различие лишь в том, что Исландия до заселения была пустыня (если не считать нескольких ирландских монахов), в то время как Юго-Восточное Приладожье было заселено, видимо, неким финноязычным населением, с которым смешивались пришельцы, а на нижней и средней Сяси — «сопочным» населением, тесно связанным с «русью» из Поволховья и имевшим центром Алаборг (Сясьское городище).

Все сообщения HsE и GHs об Алаборге/Алуборге прекрасно коррелируются с результатами исследования городища, селища, сопки и курганов ПКК около с. Городище на р. Сясь [Богуславский, Мачинская, 1993; 1995; Богуславский, 1994; Богуславский, Щеглова, 1996]. По данным археологических раскопок, поселение здесь возникло не позднее конца VIII в. и прекратило свое существование не позже 930 г., что совпадает с временем существования Алаборга, по HsE и GHs. Первично погребальными памятниками жителей городка на Сяси были огромные «сопки», весьма напоминающие волховские сопки в окрестностях Ладоги/Альдейгьюборга. Реки Волхов и Сясь впадают в один и тот же залив Ладожского озера, и устья их отстоят лишь на 10 км, но их истоки разделяет солидное расстояние в 180 км; вверх по течению этих рек и вдоль их берега располагались два различных военно-торгово-сакральных пути, один из которых (по Сяси) был кратчайшим путем в бассейн Волги и далее на Ближний Восток, а другой (по Волхову, Ильменю и Ловати) был основной магистралью, ведущей на Киев и в Константинополь, хотя и оставлял возможность для более долгого, чем по Сяси, пути на Волгу по Мсте и Тверце. Поэтому сама «экономическая география» и предоставляла возможность поставить оба пути под контроль одного хозяина и одновременно стимулировала тенденцию к их политическому обособлению.

Около рубежа IX-X вв. сопки в окрестностях городка на Сяси сменяются меньшими по размерам и иными по конструкции курганами ПКК [Богуславский, 1997]. В это время или двумя десятилетиями позже прекращается жизнь на городище и селище [Богуславский, Мачинская, 1993]. Од-

нако северо-западнее городища у д. Городище курганы ПКК по Сяси не распространяются, что подчеркивает пограничное положение этого пункта, также совпадающее с данными GHs об Алуборге.

Кратко остановимся на еще одном укрепленном пункте, упоминаемом в GHs и отличном и от Альдейгьюборга, и от Алаборга. Это — замок Ингигерд, в который она удаляется, когда конунг Эйрек захватывает резиденцию ее отца — Альдейгьюборг [GHs, 3]. Выбрав Хрольва защитником своих интересов, Ингигерд везет его в замок и усаживает на трон. Оттуда они оба и бегут в Данию. Конунг Эйрек ищет Хрольва три дня и обыскивает замок [GHs, 20—22]. Последнее обстоятельство может косвенно указывать, что замок находился в трех днях пути от Альдейгьюборга, резиденции Эйрека. Позднее, в разгар борьбы Хрольва с Эйреком за Альдейгьюборг, мертвый конунг Хреггвид пророчествует в стихотворной форме, сидя у своего кургана, что Хрольв станет конунгом в Хольмгарде [GHs, 32]. Наконец, в последней главе [GHs, 38] сообщается, что Хрольв стал конунгом над всей Гардарики, а главная резиденция конунга находится в Хольмгардаборге в Gardar, которые теперь называются Nogardar (форма множественного числа от Nogardr) и Rudzaland (последний топоним упомянут лишь в одном списке GHs). Упоминается Nogardar и в концовке HsE и опять в связке с Rudzaland.

Не вдаваясь в подробный анализ, заметим, что если в основе сюжета действительно лежат события 870—905 гг., то в GHs (и косвенно в HsE) речь идет о переносе столицы из Ладоги в другую крепость, менее доступную для набегов с моря (куда скрылась Ингигерд после захвата Альдейгьюборга морским конунгом Эйреком), которая, исходя из ее названия и времени действия, вряд ли может быть чем-то иным, чем древнейший Новгород-Невогардас, т. е. Рюриково городище. Этот восстанавливаемый по рудиментам историко-эпический сюжет напоминает рассказ ПВЛ о переносе Рюриком столицы из Ладоги в Новгород в 860-х годах. Отметим, что Хрольв, как и Рюрик, был «призван», в частности, чтобы изгнать, выражаясь языком летописи, «заморских варягов-находников».

Связка Nogardar—Russaland/ Rudzaland не случайна. Нам не известны ни письменные источники, ни топонимы, которые позволили бы утверждать, что Нижнее Поволховье с центром в Ладоге в IX—XI вв. именовались «Русью» в первичном, узком смысле слова. Видимо, этот социотопоним и хороним, имеющий скандинаво-финно-славянское происхождение, стал впервые обозначением некоей территории к востоку от Балтики именно в окрестностях оз. Ильмень, где имеются топонимы типа Русса/Русы/Русыня и т. п.

Топоним же Holmgardarborg мог бы восприниматься как результат позднейшего «географического словотворчества», но от поспешных выводов удерживает то, что он образован по той же весьма архаичной модели x+borg, что и названия Aldeigjuborg, Alaborg/Aluborg, Isaborg/Isaborg (по-

следнее восстанавливается на основании текстов и карт XIV—XVII вв., дающих формы Isborg, Iseborg, Isuborg, Eysenburk) [см.: *Schramm*, 1982; *Мачинский*, 1986; *Белецкий*, 1993; 1996; *Плоткин*, 1993].

Предполагаемое время действий Хрольва-Rollo в Северной Руси в основном приходится на период, когда, по условной датировке ПВЛ, основные действия Игоря и Олега были связаны с Южной Русью, с Константинополем и с хазарами. Не исключено, что в это время предприимчивый норвежско-датский викинг мог действительно захватить один из городков Северной Руси и кратковременно закрепиться в нем.

О поражающем совпадении комплекса мифопоэтических сюжетов, связанных с конунгом Ладоги Хреггвидом (вещий конь, волшебный щит и копье, культ его кургана) и его убийцей Эгиром (превращение в змея, владение Ормаландом, т. е. страной змей, связь с миром мертвых и морем) с подобным же комплексом, связанным с Олегом Вещим и Волосом/Велесом, мы уже писали [*Мачинский*, *Панкратова*, 1996, с. 54—55; *Панкратова*, 1997, с. 7—12].

Есть основания предполагать определенную историческую реальность и за рассказом о захвате шведским конунгом Эйреком Альдейгьюборга, но для выявления ее необходимо обратиться к ситуации начала XI в. Как рассказывается в «Круге Земном», Торгнир-лагман напоминает шведскому конунгу Олаву, отцу Ингигерд, что некогда его предок, конунг Эйрик Эмундарсон «покорил Финнланд и Кирьяланд, Эйстланд и Курланд и много земель в Аустрлэнд. И можно видеть те земляные укрепления и другие великие постройки, которые он возвел» [*Джаксон*, 1994, с. 73]. Об этом же говорит отцу и Ингигерд, предлагая ему «сражаться лучше в Аустрвеге за то государство, которым владели раньше конунги свеев и которое недавно подчинил себе Стюрбьёрн, наш родич» [*Джаксон*, 1994, с. 72]. То, что позднее Ингигерд соглашается на неприятный для нее брак с Ярославом при условии, что получит «в свадебный дар себе Альдейгьюборг и то ярлство, которое к нему относится», и что управлять этим ярлством охотно едут из Швеции такие личности, как Рёгнвальд, и Ингибьёрг, позволяет предполагать, что Ладога и ее округа входили в число тех земель в «Аустрлэнде» и «Аустрвеге», которые примерно в 850—870-х годах захватывал Эйрик Эмундарсон, частично старший современник Харальда Прекрасноволосого, ко временам которого и отнесено действие GHs. Не исключено, что к числу заброшенных к XI в. «земляных боргов» мог относиться и Алаборг — городище на р. Сясь, и Любшанское городище на Волхове, которые, судя по отсутствию на них кружальной керамики, прекратили свое существование до 930 г.

Однако похоже, что первичный образ некоего шведского конунга, захватившего Альдейгьюборг во второй половине XI в., в дошедшем до нас варианте GHs перекрыт более поздними образами и событиями. И здесь мы обращаемся ко второму этапу формирования «ладожской эпической традиции» в XI в.

Единственная виса, где сохранилось арханчное название *Aldeigja* происходит из поэмы *Bandadrara* исландского скальда Эйольва Дадааскальда (ок. 1010 г.). Герой поэмы — Эйрик ярл, получивший «большие пожалования» от конунга Швеции Олава и живший там «внутри страны» (Круг Земной); жена его — Гюда. Он шел войной в землю Вальдмара, «убивал людей и жег постройки» («*drapp mann folkit en brendi bygdir*») и в 997 г. взял и сжег Альдейгьюборг. В той висе Эйольва, где упомянута *Aldeigja*, Эйрик назван эпитетом *aeghir/oeghir* — «устрашающий людей» [Джаксон, 1993, с. 158, 163, 174, 184, 244—245].

В «Саге о Хрольве...» Альдейгьюборг захватывает Эйрек, конунг из Гестрекланда, что лежит «во владениях конунга Швеции»; сестра его — Гюда. По пути к Альдейгьюборгу его люди «убивали людей, жгли постройки» («*drepa menn, breonna bygdir*»). Главный сподвижник Эйрека — изрыгающий огонь Грим, по прозвищу *aegir*, тождественному *aegir/oegir* — эпитету Эйрека ярла в висе.

Связь между висой Эйольва и сподвижниками Эйреком-Эгиром в *GHs* несомненна. На каком-то этапе своей трансформации сага, видимо, использовала один из сюжетов поэмы Эйольва, а эпитет *aegir* стал прозвищем главного антигероя саги, образ которого вобрал в себя многие «бродячие» и собственно «кладожские» черты — змеобразный убийца конунга Ладоги, драконообразный «хозяин зверей» (наподобие Велеса?), способный принимать их образы и т. д.

Введение в сюжет персонажей и событий конца X—начала XI в. обнаруживается и в *HsE*. Имя главного антигероя саги (Ульвкелль Сниллинг), погибающего в конце от руки норвежского героя Хальвдана, полностью повторяет имя правителя области в Англии, во владениях которого молодой Олав Харальдссон (будущий жених, а затем — тайная любовь Ингигерд-Ирины) вместе с конунгом Адальрадом разбивает войско данов, о чем упоминается в висах скальда Сигвата [Круг Земной, с. 173]. Позднее сам Ульвкелль Сниллинг погибает в сражении с тем самым норвежским Эйриком ярлом, о котором шла речь выше, а сразу после этого умирает ок. 1012 г. и сам Эйрик [Круг Земной, с. 177—178].

Возможно, отголосок реальности XI в. имеется и в *Sss*. Герои «посылают Сигхвата Высокого на восток сватать Ингибьёрг, дочь конунга» [Глазырина, 1996, с. 165]. Известно, что одноименный скальд Сигват участвовал в подготовке сватовства Олава к Ингигерд, он сыграл ведущую роль при заключении брака Олава с Астрид, сестрой Ингигерд, причем решающие переговоры проходили в доме Рёгнвальда ярла и Ингибьёрг [Круг Земной, с. 230—234].

Возможно, в имени «дублера» Хрольва, антигероя *GHs* Вильхьяльма, отразилось имя правнука Хрольва/Ролло Вильхьяльма Незаконнорожденно-го (так называет его Снорри) — завоевателя Англии, отношение к которому в скандинавском мире, судя по «Кругу Земному», было столь же отрицательным, сколь положительным было отношение к Хрольву/Ролло.

В заключение необходимо ответить на вопрос: каким образом в сагах поздней записи сохранилась архаическая (сложившаяся не позднее X в.) топонимика и мифопоэтическая традиция северо-западной Руси? Предлагаем следующую гипотезу:

1. В основе отмеченного архаического пласта лежат действительные события, разыгравшиеся в Приладожье (а также к северу, востоку и югу от него) в IX—начале X в., запечатленные эпической традицией и вписанные в мифологический контекст сказаний о Свитьод Великой.

2. Как известно, при дворах принцессы Ингигерд и Ингибьёрг, жены Рёгнвальда ярла, еще в Швеции находили хороший прием и подолгу жили исландские и норвежские скальды [Круг Земной, с. 207, 208, 211, 231—233]. Можно не сомневаться, что с переездом обеих на Русь ситуация не изменилась, и при их дворах в Ладоге и Новгороде складывалась среда, благоприятная для развития эпической традиции, которая, судя по роли, которую играют в ней образы прекрасной Ингигерд и мудрой Ингибьёрг, а также по наличию имен, современных им, а отчасти, возможно, и лично знакомых исторических персонажей и отголосков их судеб в рассмотренных сагах, пережила в 1020—1070-е годы второй расцвет. Древние сказания заново привязывались к приладожским топонимам, этносоциальные отношения IX в. отчасти воспроизводились в «ладожском ярлстве» XI в., а место разрушенного Алаборга еще было хорошо известно, так как, по археологическим данным, преемственность жизни в его ближайшей округе не прерывалась до XI в. Несомненно, в древнюю мифо-поэтическую традицию вплавлялись образы и события, порожденные реальностью XI в. Эта обновленная «ладожская» (или «волховская») традиция в разных вариантах разносилась на запад скальдами, викингами, купцами и скупой и фрагментарно фиксировалась (в «русино-словенском» варианте) в русском христианском летописании. Ее укоренению в Скандинавии способствовали особо тесные связи между королевскими дворами Руси, Швеции, Норвегии и Дании в XI в., осуществлявшиеся в основном через Ладогу.

3. В дальнейшем «ладожская» (волховская) мифо-поэтическая традиция на западе включилась в сюжетно-образный фонд «саг о древних временах» и в их составе проходила все дальнейшие этапы развития. На Руси отголоски этой традиции прослеживаются в летописании, былинном эпосе, в иллюстрациях Радзивилловского списка ПВЛ, в одной новгородской летописной легенде, возможно, в некоторых акцентах фрески «Чудо Св. Георгия о змие» в соборе Св. Георгия в Старой Ладоге.

Хочется обратить внимание на то, что летописные рассказы о начале Руси, о Рюрикe, Олеге, Игоре и Ольге до ее крещения, если исключить договоры с греками, являются не более, чем отрывками из несохранившихся целиком русских «саг о древних временах», сведения которых, однако, в основных чертах подтверждаются и договорами с греками, и иноземными источниками, и данными филологии, археологии, нумизматики, топо-

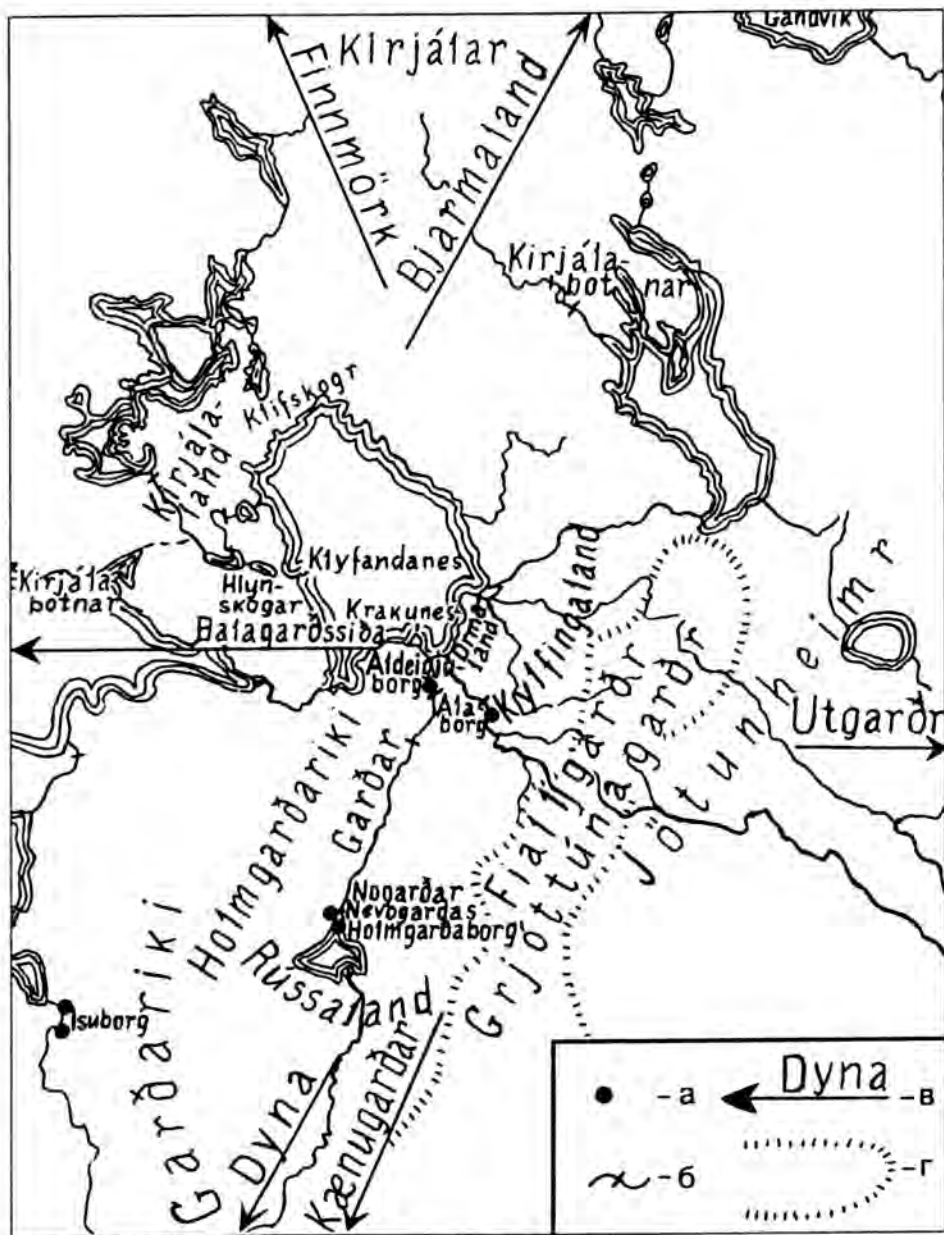

Рис. 1. Карта-схема Северной Руси, отражающая реалии IX—XI вв. (по данным саг о древних временах и перекликающихся с ними источников).

- а** — укрепленные поселения, центры территорий; **б** — крупные пороги и водопады;
- в** — направления и цель движения из Приладожья за пределы территории, включенной в карту; **г** — Валдайская и Вепсовская возвышенности.

нимики. Полагаем, что введение в научный оборот еще недооцененных сведений скандинавских «саг о древних временах», касающихся событий, происходивших в Гардарики в VIII—X вв., расширит базу дальнейших исследований по древнейшей истории Руси. Данная статья — один из первых шагов в этом направлении.

Уже после завершения статьи авторы ее смогли ознакомиться с монографией М. Мундт [Mundt, 1993], в которой она приходит к выводу, что HsE, GHs и многие другие «саги о древних временах», хотя и записаны в XIV в., однако содержат в себе пласт «восточных» сюжетов и образов, проникавших в Скандинавию в XI—XII вв. через Русь. В отношении GHs М. Мундт полагает, что «концепция саги» сложилась самое позднее в середине XIII в., а, возможно, она принадлежит к еще более раннему времени, но к какому именно, сказать пока невозможно. После проделанного нами исследования можно предполагать, что не только «восточные», но и многие «русские» сюжеты включались в ткань HsE, GHs и Sss не только «через Русь», но и попросту в Северной Руси, где в VIII—начале XII в. полноценно развивалась своя двух- или трехязычная мифопоэтическая традиция, интенсивно взаимодействовавшая с общескандинавской.

Белецкий С. В. Начало Пскова // В. Д. Белецкий, С. В. Белецкий. Городское ядро средневекового Пскова. СПб., 1996. Ч. 1.

Белецкий С. В. Вопросы происхождения и основные направления погребального обряда в Юго-восточном Приладожье (890—950-е гг.) // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1997.

Богуславский О. И. Новые открытия в юго-восточном Приладожье // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994.

Богуславский О. И. Южное Приладожье. Историко-культурные регионы и их взаимодействие // Древности Поволховья. СПб., 1997.

Богуславский О. И., Мачинская А. Д. Сяское городище и поселения нижнего Поволховья (опыт сопоставления) // ПАВ, СПб., 1993.

Богуславский О. И., Мачинская А. Д. Комплекс памятников у деревни Городище на реке Сясь в Юго-Восточном Приладожье // Древности Северо-западной России. Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздолова. СПб., 1995.

Богуславский О. И., Щеглова О. А. Новые исследования комплекса памятников у д. Городище // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1996.

Глазырина Г. В. Alaborg «Саги о Хальвдане сыне Эйстейна». К истории русского Севера // ДГ-1983. М., 1984.

Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996.

Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987.

Джаксон Т. Н. Суздаль в древнескандинавской письменности // ДГ-1984. М., 1985.

Джаксон Т. Н. Symes и Gadar: Загадки древнескандинавской топонимии Древней Руси // Scando-Slavica. 1986. Т. 32.

Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). М., 1993.

Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М., 1994.

Джаксон Т. Н., Мачинский Д. А. Связи Северной Руси и Беломорья в IX—XIII вв. // Внешняя политика Древней Руси. М., 1988.

Джаксон Т. Н., Мачинский Д. А. «Сага о Хальвдане сыне Эйстейна» как источник по истории и географии Северной Руси и сопредельных областей в IX—XI вв. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1989а.

Джаксон Т. Н., Мачинский Д. А. Юго-Восточное Приладожье в «Саге о Хальвдане сыне Эйстейна» // Археология и история Пскова и Псковской земли. КТД НК. Псков, 1989б.
Кирпичников А. Н., Сарбьянов В. Д. Старая Ладога древняя столица Руси. СПб., 1996.

Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.

Мачинская А. Д. Ладога и культура смоленских длинных курганов: проблема хронологии // Новгород и Новгородская земля. ТНК. Новгород, 1991.

Мачинская А. Д., Мачинский Д. А. Некоторые летописные известия в «Истории Российской» В. Н. Татищева и Ладога IX—XI вв. // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. СПб., 1995.

Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси: период зарождения древнерусской народности // Русский Север. Л., 1986.

Мачинский Д. А. Колбязи «Русской Правды» и приладожская курганная культура // Тихвинский сборник, № 1. Тихвин, 1988.

Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII—X вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988.

Мачинский Д. А., Панкратова М. В. Саги о древних временах, ладожская эпическая традиция и локализация Алаборга // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1996.

Мачинский Д. А. Ладога // *Aldeigja*: религиозно-мифологическое сознание и историко-археологическая реальность // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1997.

Младшая Эдда. Л., 1970.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Панкратова М. В. Приладожские топонимы в Саге о Хрольве Пешеходе // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1996.

Панкратова М. В. Грим Эгир Саги о Хрольве Пешеходе и старолadoжская мифозпическая традиция // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1997.

Плоткин К. М. К вопросу о топониме «Изборск» и реке Исе // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. Сборник археологических статей в честь 56-летия Д. А. Мачинского (ПАВ № 6). СПб., 1993.

Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980.

Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. I.

Щеглова О. А., Богуславский О. И., Сеиченкова Т. Б. Продолжение полевых исследований поселения у д. Городище на Сяси // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1997.

Douglas D. C. Rollo of Normandy // *The English Historical Review*. Vol. LVII.—NO CCXXVIII. 1942.

Dunninger. Untersuchungen zur Gungu Hrolfs Saga // *Arkirfor nordisk filologi*. 1931—1932. Bd. 48.

Ellis-Davidson H. R. *The Viking Road to Byzantium*. London, 1976.

Holmberg M.-L. Om Finland och ovriga Finnlander i den islandska fornliitteraturen // *Arkiv for nordisk filologi*, 1976. Bd 91. Lund.

Kleiber B. Zu einigen Ortsnamen aus Gardarike // *Scando-Slavica*. 1957. T. 3.

Mundi M. Zur Adaption orientalischer Bilder in den Fornaldarsogur Nordlanda. Materialien zu einer neuen Demension altnordischer Belletristik. Frankfurt a/M., 1993.

Naumann H.-P. Gungu-Hrolfs saga // *Medieval Scandinavia*. An Encyclopedia. New York; London, 1993.

Schramm G. Normannische Stutzpunkte in Nordwestrussland. Etappen einer Reichsbildung im Spiegel von Namen // *Beitrage zur Namenforschung*. N. F. 1982. Bd 17, Ht. 3.

Schroder F. R. Gunthers Brautwerbung und die Gungu-Hrolfs Saga // *Festschrift fur Eugen Mogk*. Halle., 1924.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской Академии наук

Центр «Петроскандика»
НИИ комплексных социальных исследований
Санкт-Петербургского университета

**Европа—Азия:
Проблемы этнокультурных
контактов**

К 300-летию Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург
2002